

Спектакль опаздывал. Администратор, выйдя к рампе, попросил зал о терпении на четверть часа. Прошло двадцать минут, тридцать. «Безобразия!» — это зрители слева от меня. «Мало ли что бывает, артисты — живые люди!» — справа. «И мы в цехе живые. Но если на полчаса позже явлюсь к станку, кто потерпит!» — это сидящий сзади.

В тот вечер в Академическом театре имени Т. Г. Шевченко шел спектакль по повести Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедях». Сразу же за рампой — натуральная кромка озера. Говорят, на премьеры по ней перед зрителем проплывали белые лебеди — живые! Теперь не плывут. К счастью. Иллюстративность всегда не сродни искусству, особенно та, к которой прибегают постановщик А. Литко и художник Т. Медвидь, — бьющая в глаза нарочитость. И все же претенциозное соседство «самодельной» воды и символических «ветвей-рук», заломленных над сценой, вскоре перестает замечать. С ходом событий из нашего внимания напрочь вытесняется все, что не есть «жизнь человеческого духа». Ее на сцене воплощают прежде всего В. Ивченко и В. Малаяр, артисты, унаследовавшие знаменитую школу корифеев-шевченковцев, относящиеся к ярким представителям среднего поколения мастеров сегодняшнего украинского театра.

Незадачливый «бедоносец» Егор Полушина всем невзгодам вопреки живет просветленной убежденностью: в красоте земли, души людской — смысл бытия. Тих и вроде несмел герой В. Ивченко, но в служении красоте, почитаемой за высшую справедливость, его фантазия, упорство неистощимы. Прораб лесохозяйства Яков Прокопыч у В. Малаяра, напротив, размашист, благополучен на вид, а глянешь пристальнее — порабощен сумятицей мелких хлопот. Если и удерживается «на плаву», то лишь судорожно соблюдая принцип: делать нужно, как велено. Разбуженную совесть человека, прежде мало знакомого с беспощадностью Духа, В. Малаяр рисует энергично, где-то и грустно: позднонато усомнился Яков Прокопыч в бесспорности «чужого веления». Зато Егор — В. Ивченко, похоже, так и рожден с обостренной добротой ко всему живому, от человека до травинки, со сплоскостью мучительно взволнованная из-за малейшего насилия над живыми.

Трудно согласиться с гибелью Полушина, сама мораль, строй мышления современника протестуют против нее. Таков вывод из спектакля. На него «работает» весь ансамбль. Заслуга артистов тем больше, что жизнеутверждающую идею они несут в противоборстве с режиссурой: А. Литко чрезмерно ратывает в финале прощание с погибшим Егором, нагнетает надежды.

Предельно точен по мысли у шевченковцев «Тыл» — первая самостоятельная постановка В. Ивченко. Не повторяя трактовок известной пьесы М. Зарудного, театр не цеголяет и «новациями». Но горстку украинских колхозников, оказавшихся в июле сорок второго в фашистском окружении, видим не под открытым небом, как обычно, а в стенах мельницы, чья величавость напоминает о древних крепостях. Идея сопротивления врагу, поиск героического в обыденном заявлены уже в зрительном образе, чтобы затем впечатляюще раскрыться в широкой панораме действующих лиц.

Обе премьеры оценены критикой положительно. Тепло говорят о них зрители. Но встретиться с этими зрителями — на ХТЗ, канатном заво-

де, в университете — оказалось непросто. Между уровнем спектаклей и их посещаемостью — удручающий контраст. На спектакле «Не стреляйте в белых лебедях» в предвечерний вечер присутствовало немногим больше ста человек. «Тыл», показанный среди недели, смотрели пятьдесят два зрителя. В зале театра — около тысячи мест...

Первому спектаклю — год, второму — вдвое меньше. Перед зрителем каждый из них появляется лишь дважды, трижды в месяц. Еще реже

увидишь на афише пьесу А. Коломийца «Кравцов». За год право на встречу со зрителем она получила всего восемь раз. А вкупе на десять названий советских драматургов из 370 спектаклей, показанных театром в минувшем году, пришлось немногим более ста. Каким же спектаклям на афише тесно? В числе «лидеров» — «Дон Хиль Зеленые штаны», «Шельменко-денщик», «За двумя зайцами»... На них приходится чуть ли не треть театральных вечеров.

Может быть, сказывается расчет на «каассу»? Но и на спектаклях, поглотивших львиную долю афиши, зал заполняется меньше чем наполовину, а то и на треть. Это по официальным «рапортичкам» театра, документу, весьма условному (утверждала, например, подобная рапортичка, что на спектакль «Тыл» реализовано около шестисот билетов в тот самый вечер, когда в зале, включая автора этих строк, не набралось и шестидесяти человек).

Итак, выигрыша в финансах нет, но зато налицо невосполнимые художественные потери.

Секретарь парторганизации театра народная артистка УССР С. Чибисова отмечала на отчетно-выборном партийном собрании: «Нам везде говорят: «Привозите что-то новое, «Шельменко» смотрим в третий раз». Комедия Г. Квнтки-Основьяненко для шевченковцев своего рода реликвия, сохраняется в репертуаре не одно десятилетие. Но повторять спектакль без меры — значит лишать его живой души. Так же, как и показывая постановку с «привалами» в один-два месяца...

Чем обусловлены крайности? Какую связь усматривает администрация между идейно-художественной ценностью спектакля и их посещаемостью? Прямую, обратную? Ответ получить не удалось. В дирекции театра откровенно уповают не на власть творчества, а на магию «разнарядки». Не лучший термин применительно к искусству, но ему тут придается сила закона. «Смогли распространить

только сто пятьдесят билетов...», — несмело произносит тоненькая девушка с порога администраторской. «По разнарядке вам положено пятьсот!» — тон у Н. Спекторовой, заместителя директора по организации зрителя, грозный. Таня Соломка, студентка политехнического института, она же «билетчик профкома», виновато краснеет. Хотя для нее «нераспространенные» билеты не вина — беда. Назад их не возмрут, так и пролежат неразрезанными, умножая сумму

случаях постановщик — главный режиссер А. Барсегян), волея зритель в раздумья о ценностях подлинных и мнимых, освещающая конфликты, близкие духовным исканиям современника.

Зал у пушкинцев полон. Это не значит, что проблема посещаемости тут снята. Но преломляется она неоднозначно. Выверенность репертуара. Забота о том, чтобы в новый спектакль зритель поверил еще до премьеры. Взыскательное внимание к обстановке на сцене и вокруг нее. Все это составные той подлинно театральной ат-

партии т. Селихов: «Нельзя ожидать главного режиссера сложа руки». Примерно такие же слова, по справедливости, должны быть адресованы не только труппе.

В отделе культуры обкома партии, в управлении культуры облисполкома искренне встревожены дальнейшей судьбой шевченковцев. Но при этом, думается, упрощают положение, сводя его исключительно к отсутствию главного режиссера. Ведь появление «главного» само собой не снимает все, что мешает театру.

Так, в Театре юного зрителя главный режиссер есть и, по общему суждению, одаренный. Им, в частности, поставлены «Письма к другу» — спектакль, построенный на переписке Николая Островского с Петром Новиковым, комсомольцем двадцатых годов, харьковчанином. Постановка А. Беляцкого получила широкое признание, об артисте А. Ермакове — И. Островском пресса писала: «Он рожден для этой роли». Но напрасно мы искали героико-революционный спектакль на предмайской афише. А Ермакова в эти дни можно было увидеть лишь в «Женитбе».

Артист играл Кочкарева. По воле режиссера гоголевский герой носился над сценой на канате, выделял культбиты. В финале Кочкарева избивал Подколесин. Надворный советник наносил удары закадычному другу методично, со знанием дела. Урок садизма длился, пока Кочкарев не рухнул на колени, умоляюще сложив руки, раболепно твердя: «Я рад, рад»...

Спектакль, сведенный к набору грубых трюков, испытывающий юного зрителя бессмыслицей, — первая работа А. Литко после его освобождения от должности главного режиссера в Театре имени Т. Шевченко. Неминувем вопрос: какие уроки извлечены режиссером, а вместе с ним организаторами, призванными воспитывать творческие кадры, направлять творческий процесс? Каковы критерии оценки ими новых спектаклей? Насколько серьезна координация городской афиши, где среди предмайских спектаклей драматических театров не оказалось ни одной современной пьесы?

Потребность во встречах с героем-современником у харьковчан велика. Свидетельство тому хотя бы репертуар самодельных народных театров: К. Тренив, М. Шаров, М. Зарудный, В. Собко, М. Карим, И. Друцэ, А. Макаенок. Масштабным темам времени посвящают театральные представления рабочие, железнодорожники, связисты, студенты. Тогда в образе Ленина на сцену Дворца культуры ХТЗ выходит артист Театра имени А. С. Пушкина Юрий Жбаков, в роли Николая Островского на комсомольском празднике в Центральном парке выступает артист Тюза Александр Ермаков. У мемориала Славы звучит рекем в исполнении шевченковца Валерия Ивченко...

Огни рампы могут, должны светить в Харькове так же ярко, щедро, как огни всего могучего города.

Л. ВИРИНА,
наш соб. корр.

ХАРЬКОВ.

ОГНИ ГОРОДА, ОГНИ РАМПЫ

Театральные вечера в Харькове: уроки сезона

институтской «задолженности» театру. А в отчетах театрального бюро организации зрителя умножат число «реализованных».

Отчего данному коллективу «положено» именно пятьсот билетов — не четыреста, не шестьсот? И отчего на связанное число, название? На предприятиях, в учебных заведениях — всюду, где привелось побывать, недоумевали по поводу такой «системы». Произвольно составленные, назойливо навязываемые «разнарядки» превращаются в барьер между зрителями и театром, мешают пропаганде искусства — убежден секретарь обкома Компартии Украины В. Иващенко. Распространение билетов может служить распространению театральной культуры, лишь когда не исчерпывает контакты сцены с трудовыми коллективами, а вытекает из них. Это без труда подтверждается тут же, в Харькове.

Подшефные Академического театра имени А. С. Пушкина — ХТЗ, три сельских района, несколько учебных заведений. Но важна не обширность — органичность шефства. Тракторостроители, например, консультировали театр при постановке «Темпа-1929», обсудили спектакль до премьеры — на генеральной репетиции. Кинокадры о заводе вошли в художественную ткань постановки. Разумеется, тут не понадобилось никаких «разнарядок». Не каждая постановка может создаваться при таких обстоятельствах. Но каждая может, должна быть продолжением непрерывного диалога «театр — зритель».

Репертуар пушкинцев многопланов: Лермонтов, Шекспир, Светлов, Арбузов, Шукшин. Разнообразно и решение спектаклей. Однако, приходя в театр из вечера в вечер, легко уловить: тут ведется с залом тот притягательный в своей последовательности, постоянстве разговор, из которого слова (спектакля) не упустишь. «Мостики» возникает, к примеру, даже между такими несхожими постановками, как «Открытые» украинского драматурга Ю. Щербана и чеховский «Вишневый сад». Мир современной науки в острях, но оптимистических границах — и мир российского дворянства в пору его упадка. Что общего? Общи социальные нравственные позиции, с которых выступает театр (в обоих

мосферы, вне которой стойкий зрительский интерес недостижим, для которой одинаково значительно и творческое, и вроде бы утилитарное.

Нет, противостоят не творческие коллективы, а положение, создавшееся в них, и, как следствие, вокруг них. «Наш театр напоминает корабль без руля и винта», — так определил положение шевченковцев коммунист А. Рябов, выступая перед товарищами. Второй год Театр имени Т. Шевченко без главного режиссера. Но и до этого руководство менялось тут чередой. К чести труппы, она сохраняет школу, почерк, стремление к масштабным целям.

Одна из них — современное прочтение «Гибели эскадры» (в свое время театр дал сценическую жизнь пьесе А. Корнейчука). В возможностях актеров осуществить замысел: есть Оксана, Стрижень, Гайдай. Нет режиссера. Не только главное — нет и оcherдного, обладающего достаточным опытом.

Допустим, зритель может не заметить, что из репертуара один за другим исчезли новые спектакли — «День начинается с утра», «Единственное преимущество», может не задаться вопросом: или уровень их был недопустимо низок, или отношение к ним недопустимо равнодушное. Но зрительскую досаду наверняка вызовут путаница с обозначением исполнителей в программках, пыль и поносившиеся номера на ирешлах, отсутствие уюта в буфете. В изречении: «Театр начинается с вешалки» слышится ведь и предостережение: «Театр оканчивается с малейшей дозой равнодушия».

По совершенно элементарной причине был задержан на полчаса спектакль «Не стреляйте в белых лебедях», с которого начал этот разговор. Инспектор сцены забыла предупредить молодую исполнительницу о назначенной замене. В другом случае, уже по собственной забывчивости, вовремя не пришла в театр ведущая актриса. Потерянная ответственность, потерянные спектакли, потерянный зритель выстраиваются в «одну строку».

Театральные вечера Харькова на редкость наглядно вобрали истину: творческий процесс успешен ровно в той мере, в какой он организован. На одном из партийных собраний к коммунистам Театра имени Т. Шевченко обратился инструктор горкома